

корец вмещал 0.95 четверика, или около пуда ржи. Исходя из ранее произведенных подсчетов площади корца земли, дворовый надел Симанка Давшеева должен быть равен 0.18 четверти, или 1.5 четверика пашни в одном поле. Высев двух четвериков ржи на 1.5 четверика озимого поля вполне соответствует вычисленному нами размеру участка.

Таким образом, в XVII в. в Присвирье официальной единицей измерения земельных площадей служила общегосударственная мера — четверть и ее доли, что нашло отражение в писцовых книгах XVII в. и правительственном делопроизводстве. В повседневной же практике использовались местные, исторически сложившиеся в крестьянской среде единицы измерения пашен и сенокосов — веревка и корец, меры ничтожно малые, соответствовавшие мизерным размерам земельных наделов крестьян Присвирья.

Е. М. ДОБРУШКИН

О СУДЬБЕ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА В ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИИ

Заслуги Василия Никитича Татищева в области собирания исторических источников и подготовки их к публикации общепризнаны. Как отметил С. Н. Валк, именно В. Н. Татищев «был в России первым, кто поставил перед собой задачу в полной мере научного издания текста».¹ Впервые в России взявшись за написание истории, «Татищев должен был оказаться одновременно и в роли представителя археологической экспедиции, разыскивающей „припасы“ для написания „истории“, и в роли археографа, впервые издающего разысканные им важные для исторической науки памятники».² И хотя ни Русская Правда, ни Судебник 1550 г. не были опубликованы при жизни первого русского историка, однако именно Татищевым были открыты для науки и подготовлены для печати эти два выдающихся документальных памятника. Естественно, когда заходит речь о Татищеве-археографе, в первую очередь упоминается его работа над Русской Правдой и Судебником.³ Одновременно следует отметить,

¹ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // Археологический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 129; см. также: Хрестоматия по археографии. М., 1955. С. 22; Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957. С. 15 и др.

² Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. V. С. 610.

³ См.: Рубинштейн П. Л. Русская историография. [М.], 1941. С. 79; Черныл В. А. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии // Исторический архив. 1955. № 4. С. 202; Николаева А. Т. Некоторые проблемы источниковедения в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Тр. МГИАИ. М., 1968. Т. 16. С. 373; Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие. М., 1969. С. 21, 26—28, и др.

что вопрос о непосредственном вкладе Татищева в разработку методов, приемов публикации источников в целом изучен недостаточно. Связано это, на наш взгляд, в значительной мере с тем своеобразным положением, в котором оказался в истории археографии основной труд Татищева, дело всей его жизни — «История Российская». К этому вопросу мы и хотим привлечь внимание в данной статье.

Первоначальное включение «Истории Российской» В. Н. Татищева в историю русской археографии основывалось на мнении о том, что она представляет собой не историческое сочинение, а лишь своеобразный летописный свод, составленный Татищевым и снабженный им обширным предисловием (в виде «Предъизвещения» и отдельных глав) и многочисленными примечаниями. Такая характеристика «Истории» была дана впервые еще Г. Ф. Миллером в середине XVIII в.⁴ Взгляд на «Историю» Татищева как на своеобразный летописный свод, получивший в историографии широкое распространение,⁵ был как бы подсказан самим Татищевым. В «Предъизвещении» к «Истории Российской» (в опубликованной Г. Ф. Миллером и А. В. Олсуфьевым редакции) ее автор сообщал, что методом его работы по созданию истории Древней Руси «от начала русских летописей» было сведение фрагментов разных летописей (наиболее полных и обстоятельных) «в порядок лет», а затем перевод получившегося текста на язык XVIII в. («на настоящее наречие»)⁶ И действительно, самый общий взгляд на опубликованный в XVIII в. текст «Истории» Татищева как бы подтверждал это: повествование ведется историком в старой, погодной форме, а в основе текста легко просматриваются летописные источники.

Итак, восприняв отношение к «Истории» В. Н. Татищева как к «татищевскому летописному своду», специальная литература 1950-х гг., затрагивавшая ранние этапы русской археографии, стала рассматривать сочинение Татищева как «своеобразную» публикацию летописей, характеризуя при этом татищевские публикаторские методы как «критические».⁷ Эти общие посылки необходимо было подтвердить путем сравнения текста «Истории» с текстами ее источников. Однако сделать это по миллеровскому изданию было затруднительно: ведь Татищев не указывал определенно, из какого источника он черпал тот или иной фрагмент «Истории»; установить источ-

⁴ [Миллер Г. Ф.] О первом летописателе российском преподобном Несторе, его летописи и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащая. СПб. 1755. Январь—июнь. С. 277.

⁵ Историографию вопроса см.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. [Л.], 1961. Ч. I. С. 223—227. — В историографии отнесение «Истории» Татищева к отжившей летописной традиции означало не столько признание ее публикацией летописей (об этом впрямую практически никто не говорил), сколько отказ признавать ее «критической историей».

⁶ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 89—91.

⁷ Хрестоматия по археографии. С. 21—22; Черныш В. А. Развитие методов. . . С. 202; Тальман Е. М. О передаче текста исторических источников // Исторический архив. 1956. № 5. С. 174—175; Софинова П. Г. Из истории. . . С. 22—24.

ник-основу каждого чтения «Истории», написанной на языке XVIII в., было практически невозможно.⁸

Однако еще до проведения специального анализа текста «Истории» взгляд на нее как на публикацию летописного свода вызвал возражения общего характера. «Утверждение, что Татищев „публикует“ летописный свод, значило бы, — писал С. Н. Валк, — что летописный свод уже существовал ранее, до Татищева; если же Татищев сам составлял свод, то это уже не археографическая „публикация“ имеющегося свода, а историческая работа по его составлению».⁹ В основе этой позиции лежало противоположное миллеровскому мнению о том, что труд Татищева есть историческое сочинение (а не летописный свод), лишь составленное в устаревшей для первой половины XVIII в. летописной манере (этот взгляд на «Историю» Татищева также имеет давнюю историографическую традицию, он был высказан еще М. М. Щербатовым).¹⁰

Высказанная С. Н. Валком точка зрения не могла не оказать влияния на дальнейшее изучение вопроса. Одновременно сказались в целом недостаточное внимание археографов к ранним этапам истории археографии в России, неразработанность некоторых важнейших теоретических положений в области публикации источников, без которых, как нам представляется, трудно решать конкретные вопросы истории археографии.¹¹ «История Российская» В. Н. Татищева фактически оказалась вне рамок истории археографии.¹² Всестороннему, в том числе и археографическому, изучению «Исто-

⁸ Необходимый текстологический анализ мог быть осуществлен только с привлечением более ранней версии текста «Истории». Для 2-й части татищевского труда, как известно, такая версия сохранилась: это текст, называемый теперь I редакцией «Истории». Хотя он был известен специалистам еще в XIX в., однако до публикации его в 1964 г. он не привлекался при археографических исследованиях.

⁹ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях. . . С. 128—129; см. также: Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии // Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 15—16; Лигачев Д. С. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников // Исторический архив. 1956. № 3. С. 188.

¹⁰ См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 223—227; Добрушкин Е. М. 1) «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи: (опыт текстологического анализа) // Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1972. С. 4—8; 2) О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 76—79, и др.

¹¹ Речь идет о таких важных для изучения истории археографии проблемах, как установление самого объекта, включаемого в поле зрения истории археографии: что есть «археографическая публикация» (по терминологии С. Н. Валка) для XVIII в.? Где проходит грань (и как ее установить) между «плохой» с современной точки зрения, но все же публикацией документа и иной формой работы историка с источником? В связи с этим всплывают и вопросы о том, каково должно быть с точки зрения археографии отношение к пересказу источников в XVIII в., их сознательной «реконструкции», контаминации текстов и т. д. Эти вопросы нуждаются в специальном рассмотрении.

¹² См., напр.: Николаева А. Т. Некоторые проблемы. . . С. 373—374; Корнева И. Я., Гальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии. . . С. 20—21; Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Период феодализма: Учеб. пособие. М., 1977. С. 17—18, и др.

рии» Татищева безусловно долго препятствовало также отсутствие научного ее издания. Осуществленная в течение 1962—1968 гг. на высоком профессиональном уровне семитомная публикация «Истории»¹³ (по всем сохранившимся спискам) значительно способствовала активизации работы по источниковедческому и историографическому исследованию этого крупнейшего и своеобразнейшего памятника русской исторической науки периода ее становления. А это в свою очередь открывает новые возможности для постановки вопроса о продолжении археографического изучения татищевского сочинения.

Ключевым, на наш взгляд, остается вопрос о характере татищевского труда, т. е. можно ли вообще рассматривать «Историю» в качестве объекта археографического изучения. Представляется, что плодотворное решение этого непростого вопроса возможно прежде всего при двух условиях. Во-первых, археографическое исследование «Истории» необходимо тесно связать с решением специальных источниковедческих и историографических проблем, давно возникших в отношении татищевского труда. Во-вторых, необходимо дифференцированно подходить к исследованию разных стадий работы Татищева над «Историей», т. е. не смешивать вопросы о так называемых I и II редакциях «Истории Российской». (Здесь следует еще раз обратить внимание на то, что до выхода в свет академического издания «Истории» Татищева все археографические суждения о ней делались исключительно по миллеровской публикации; следовательно, говоря об «Истории» как о публикации летописей, по сути дела говорили только о II редакции татищевского труда, не касаясь более ранней стадии работы Татищева).

Снова обращаясь к поздней версии «Истории», заметим, что вопрос о характере текста II редакции находится в прямой зависимости от решения вопроса о характере текста ее I редакции (поскольку II редакция есть в первую очередь перевод I редакции на новый язык). При этом существенное влияние на решение вопроса не может не оказывать источниковедческий анализ двух редакций. Сравнительное же текстологическое изучение показывает, что было бы неправильным считать 2-ю часть «Истории» в ее поздней версии просто переводом текста I редакции. Переводя текст своей ранней версии на «новое наречие», историк одновременно подверг его значительной смысловой обработке: исправлял фактические погрешности своих источников, уточнял и связывал в единое повествование лишь называемые в тексте I редакции факты, довольно широко применяя при этом метод амплификации и беллетризации повествования, и т. д.¹⁴ Распространение и беллетризация текста производились

¹³ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I; 1963. Т. II; 1964. Т. III, IV; 1965. Т. V; 1966. Т. VI; Л., 1968. Т. VII. — Тексты к изданию готовились в основном М. П. Ирошниковым и Э. Н. Савельевой под руководством С. Н. Валка.

¹⁴ См.: Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. I. С. 80—95; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 222—226; 1965. Ч. II.

Татищевым на основе осмысления своего же текста I редакции «Истории»; они являются результатом оценки самим Татищевым описываемых им событий далекого прошлого. Характерен, например, случай, когда комментарий, сделанный Татищевым в примечании к тексту I редакции (в виде собственного рассуждения о причинах описываемого события), был включен им непосредственно в текст повествования во II редакции, т. е. без всяких оговорок слит с показаниями источников.¹⁵ Таким образом, II редакция «Истории» — это широко распространенный, довольно свободный пересказ текста I редакции на современном историку языке. Следовательно, уже благодаря этому факту (а не только потому, что перед нами свод, составленный Татищевым) независимо от того, каков характер текста I редакции, II редакцию «Истории Российской» довольно трудно признать публикацией (даже «своеобразной»). Историографический анализ «Истории» также свидетельствует о том, что Татищев является историком не только во вступительных главах и примечаниях к «Истории»; таков он и как повествователь в своем стремлении создать труд, который был бы привлекателен и доступен не только для современного ему русского читателя, но мог бы привлечь внимание и читателя тогдашнего западноевропейского мира.¹⁶ Этот вывод в первую очередь следует относить к тексту II редакции «Истории».

И для I редакции «Истории Российской» также принципиальное значение сохраняет положение о том, что до Татищева ее текста не существовало, что она является результатом творческой работы автора с целым комплексом источников (летописей). Однако нам представляется, что сам по себе только этот факт не может исключить «Историю» Татищева из числа объектов археографического исследования. Действительно, то, что текст I редакции «Истории» в своей основе представляет свод фрагментов нескольких летописей, не позволяет говорить и о I редакции как об обычной публикации в современном смысле и анализировать ее на основании современных

С. 124—163; Добрушкин Е. М. 1) «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи. С. 14—15; 2) Изучение «Истории Российской» В. Н. Татищева и «Сокращение гистории русской» // Историографический сборник. Саратов, 1974. Вып. 2 (5). С. 99—119; 3) О методике изучения «татищевских известий». С. 78—93, и др.

¹⁵ Подробнее см.: Добрушкин Е. М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // Ист. зап. 1976. Т. 97. С. 217—221.

¹⁶ Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 73. — Предлагаю не считать текст II редакции «Истории» «археографической публикацией», С. Н. Валк допускал возможность такого наименования для «нескольких загадочных страниц» (по его словам) «Истории» с Иоакимовской летописью (Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях. . . С. 129). Однако специальное исследование В. М. Моргайло показало, что и здесь Татищев лишь пересказал текст этой летописи, дополнив его своими разъяснениями, непосредственно включенными в ее текст (Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 264). Об историографическом значении II редакции «Истории» см. также: Пештич С. Л. Русская археография XVIII века. Ч. II. С. 124—163.

археографических представлений.¹⁷ Думается, однако, что не нужно в доказательствах тезис о том, что изучение ранних этапов возникновения и становления публикаторских навыков должно основываться на принципе историзма. Изучая историю археографической мысли в России в XVIII в., очевидно, не следует исходить из современных представлений, правил и прочее, лишь улавливая и констатируя схожесть либо несхожесть современных публикаторских принципов и методов с существовавшими ранее, а также из априорного распределения публикаторов на сторонников и противников «критического метода» и т. п.¹⁸ Очевидно, продуктивнее будет стремление выявить и понять те своеобразные представления, которые определяли подход первых русских публикаторов к вопросу об археографической критике текста, установить, «что каждое научное направление разумеет под . . . весьма ходким в науке обозначением» «критический метод» издания источников,¹⁹ решить принципиальный вопрос о том, что понималось разными поколениями археографов под не менее ходким понятием «точности» передачи текста источника,²⁰ и т. д. Исследование этих вопросов применительно к творчеству В. Н. Татищева может быть осуществлено на основе источниковедческого анализа самой «Истории Российской».

В рамках археографического анализа «Истории» важную роль может сыграть также изучение вопроса об авторской воле самого Татищева. Известно, что подход историка к созданию двух разных редакций своего труда был принципиально разным: сам же Татищев неоднократно указывал на то, что при переводе текста I редакции на современный язык (т. е. при создании II редакции) он стремился «украсить» повествование и «изъяснить его» (об этом он говорит и в «Предъизвещении» ко II редакции,²¹ и в письмах к И. Д. Шумахеру и К. Г. Разумовскому²²). Нигде нет и намека на то, что сам историк мог считать свой текст II редакции публикацией летописей. Важно подчеркнуть, что непосредственно в намерения Татищева входило составить текст (II редакции), который был бы удобочитаемым, понятным и «украшенным». Как уже говорилось выше, источниковедческий анализ текста «Истории» по II редакции показывает, что Татищев действительно следовал этой установке, далекой от стремления представить публике свод летописных текстов.

Иное дело — I редакция: приступая к работе над ней, Татищев задумал создать историю Руси «от владения Рюрика или смерти

¹⁷ Как известно, современная археография не допускает контаминации текстов публикуемых документов. См.: *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 92—93; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. С. 21 (ст. 37).

¹⁸ *Добрушкин Е. М.* Об изучении археографической мысли в России XVIII века : (К постановке вопроса) // М. В. Ломоносов и русская культура : Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Тарту, 1986. С. 97—102.

¹⁹ *Валк С. Н.* Советская археография. С. 60.

²⁰ *Тальман Е. М.* О передаче текста. . . С. 174.

²¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. I. С. 83, 91 и др.

²² *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. М., 1951. Т. VI. С. 250, 252.

Гостомысла. . . т. е. от 860-го г. в виде подборки, сводки летописных данных. Заметим при этом, что одним из мотивов своего намерения Татищев называет отсутствие публикаций списков летописей в России («доднесь ни один не печатан»). Как известно, он решил не менять ни летописный «порядок», ни «наречие» своих источников;²³ ему казалось, что такой подбор сведенных воедино фрагментов летописей и будет представлять собой достаточно связную историю. Подтверждением первоначального намерения историка служит то, что в «Предъизвещении» к I редакции он свой труд именуется «летописью», «собранием из древних русских летописцев».²⁴ Характерно и то, что при составлении I редакции Татищев сознательно отказался от внесения в свой сводный текст сведений из нелетописных источников («. . . степенные, хронографы, четьи мнѣи, прологи и пр. хотя много помоществовали, но из них в примечании токмо для изъяснения вношено, а в текст не мешано. . .»²⁵). Таким образом, стремление Татищева на начальном этапе его работы над «Историей» просто совмещать фрагменты разных летописей, бывших в его руках, может рассматриваться как своеобразная попытка «объективизировать» свои источники: подобранные известным образом тексты летописей сами должны были поведать читателям «дела давно минувших дней» (в отличие от «критической истории», когда текст источников сознательно подавался читателям в уже интерпретированном историком виде). Это позволяет, на наш взгляд, высказать предположение о том, что первоначально Татищев сам мог рассматривать свою работу как подготовку «Несторовой летописи» к публикации (принцип подбора «лучших чтений» из разных списков летописей вполне согласовывался со взглядами Татищева на историю летописания).

С другой стороны, нельзя не учитывать и того, что при составлении и текста I редакции «Истории» Татищев был далек от декларируемого принципа простого воспроизведения фрагментов летописей «в порядке лет».²⁶ В связи с этим нельзя пройти мимо оценки, которую Татищев дал в конце концов I редакции: в письмах последних лет в Академию наук свою рукопись он именуется исключительно «гисторией с примечаниями», «от многих русских манускриптов древним наречием» «сочиненной»,²⁷ а не «летописью» или же «моим собранием из древних русских летописцев». В этой же связи небезынтересен «приговор», который вынес Татищев своей I редакции 2-й части

²³ Татищев В. И. История Российская. Т. IV. С. 36, 38.

²⁴ Там же. С. 31, 39, 49, 101. — Заметим, что в «Предъизвещении» ко II редакции Татищев ни разу свое сочинение уже так не называет.

²⁵ Там же. С. 49. — Нам представляется важным употребление историком именно слов «в текст не вмешано», указывающих еще раз на сознательное стремление Татищева как бы подать тексты летописей в «чистом» виде.

²⁶ О работе Татищева над текстом I редакции см.: Добрушкин Е. М. 1) «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи. С. 10—13; 2) О методике изучения «татищевских известий». С. 76—96, и др.; Сафонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // Памятники русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1970. С. 29—46. (ТОДРЛ; Т. XXV), и др.

²⁷ Андреев А. И. Переписка. . . С. 252; см. также: с. 250, 266.

«Истории» в письме И. Д. Шумахеру (от 1 июня 1746 г.). Он писал тогда, что его рукопись (Академическая) «не более как в архиву или библиотеку академическую годна».²⁸

При всем том нам представляется, что первоначальное намерение Татищева может иметь сейчас решающее значение: если перед нами сознательное стремление Татищева лишь воспроизводить тексты источников, то это дает право изучать результаты его работы под углом зрения истории археографии. Надо учитывать, что над I редакцией «Истории» Татищев работал более четверти века, так что вполне возможны изменения в его взглядах на многие принципиальные вопросы исторического творчества. Однако было бы преждевременным, на наш взгляд, утверждать, что наличие редакторской работы Татищева в самом тексте I редакции и общая негативная оценка ее связаны с изменениями в первоначальных намерениях историка точно воспроизводить тексты летописей.²⁹ Правомерно поставить вопрос о том, не отражают ли выявленные отличия татищевского текста по I редакции от текстов летописей, а также имеющиеся в I редакции определенные редакторские приемы (далекие от публикаторских — по современным меркам) своеобразия начального этапа в русской археографии, особенностей процесса становления взглядов на принципы и методы воспроизведения текста источников, в том числе и на кардинальное понятие «точности» воспроизведения текста.³⁰ Не углубляясь здесь в эти вопросы, выходящие за рамки данной статьи, лишь отметим, что именно их и целый ряд других специфических вопросов и призвано осветить специальное археографическое исследование I редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что I редакция татищевского сочинения может быть включена в число объектов, подлежащих изучению в рамках истории русской археографии. Такое изучение позволит получить дополнительный материал о непосредственном вкладе Татищева в разработку приемов и методов публикации исторических источников,³¹ расширить наше представление о Татищеве-археографе и в свою очередь лучше понять процесс становления и развития археографической мысли в России в первой половине XVIII столетия.

²⁸ Там же. С. 250.

²⁹ Так предлагал трактовать этот факт С. Н. Валк в статье «О рукописях первой редакции второй части „Истории Российской“ В. Н. Татищева» (*Татищев В. Н. История Российская*. Т. IV, С. 9). К сожалению, текст I редакции «Истории» представлен единственной (Академической) рукописью, написанной писцом с правкой Татищева. Однако эта правка практически ничего не дает для анализа динамики возможных изменений во взглядах историка на интересующие нас вопросы.

³⁰ Можно высказать предположение, что вынесение столь сурового приговора I редакции связано как раз с изменением первоначального взгляда Татищева на понятие «точности» передачи текста, а не с изменениями в его замыслах просто сделать свод летописей.

³¹ На материале Русской Правды многое в этом направлении сделано уже С. Н. Валком (две его статьи упоминались выше).